

Рихтер Святослав
(срестили)

16.12.2000

После Святослава Рихтера

Хартмут Хелль и Михаил Плетнев
на «Декабрьских вечерах»

Официально фестиваль, проходящий в Пушкинском музее, называется «Декабрьские вечера Святослава Рихтера». Название громоздкое и дезориентирующее: спустя три года после смерти своего основателя фестиваль уже исчерпал рихтеровские репертуарно-тематические заготовки и живет сегодняшним днем. И все же в этом названии есть смысл: почти каждый концерт заставляет мысленно возвращаться к Рихтеру как к точке отсчета.

Петр ПОСПЕЛОВ

Среди участников фестиваля есть непосредственные партнеры Рихтера — например, певец Петер Шрайер, открывавший фестиваль. Но уж как, казалось бы, далек от рихтеровского пианизма британский контратенор Майкл Чанс, поющий под людно, однако и он косвенно связан с Рихтером через музыку Бенджамина Бриттена, без которого, вероятно, не развелось бы в Британии столько превосходных контратеноров.

Новые участники «Декабрьских вечеров», супружеская пара Хартмут Хелль и Мицуко Ширай, тоже попали в рихтеровский контекст — через песни Гуго Вольфа и воспоминания о том, как Рихтер исполнял их в ансамбле с Дитрихом Фишером-Дискау. То был прорыв, ведь ранее песни Вольфа, путанные, сложные и больше похожие на стихотворения, положенные на музыку, рисковала петь лишь отважная Зара Долуханова. Благодаря Рихтеру и Фишеру мы узнали настоящего немецкого Вольфа, усилиями которого шубертовская песенная традиция дошла до крайнего субъективизма и самоуничтожения. В те же годы постоянным партнером Фишера был и Хартмут Хелль; его дуэт с певицей японского происхождения Мицуко Ширай — другая ветвь той же культуры, обогащенная привкусом азиатской эзотерики. Если Фишер порой подавлял партнеров (на это жаловался Рихтер), то дуэт Ширай—Хелль — образец идеальной гармонии, в которой тон задает пианист. Игра Хелля, утонченная, нервная, совершенная по звуку и мастерству, руководи-

ла сюжетом песен, в то время как голос Мицуко Ширай, чуть стертый (певица выступает около тридцати лет), но послушный языку, фразе и интонации, вписывал свою строчку в общий узор. Программа песен Вольфа столь разнообразна — от смешного «Крысолова» до метафизической Песни Миньоны на слова Гете — и самодостаточна, что вряд ли стоило разбавлять ее выступлением струнного «Ауринквартета», изящно сыгравшего Итальянскую серенаду Вольфа, но неряшливо — ре-минорный Квартет.

Фортепианную игру высокого класса показал и постоянный участник фестиваля Михаил Плетнев. Не склонный размениваться на бисы и поклоны, он отыграл капитальную программу из Моцарта и Бетховена и удалился таким же замкнутым, каким пришел. Сознательно или нет, программа была выбрана рихтеровская (15-я и 32-я сонаты Бетховена, до- и соль-мажорные Моцарта; не поручусь только за редкое моцартовское Адажио си минор). Раньше лишь немногие согласны были увидеть в Плетневе пианиста, идущего Рихтеру на смену: теперь он завоевывает все больший авторитет. Рихтер находил в Моцарте и Бетховене высокий стоицизм, к которому приобщал слушателя. Плетнев ходит около тех же высот, но в одиночестве. Однако его манера целить музыку сквозь зубы не лишена значительности; его продуманное и отрефлектированное исполнение выявляет внутренние связи далеких частей программы; к тому же Плетнев играет теперь все крупнее и проще, все менее манерно и местами, если влущаться, искренне увлеченно.

Известия. - 2000. - 16 дек. - с. 6.